

А.Н.Толстой.
Трагический дух и ненавистники

«Русские ведомости», 1914, 3 августа

I

На днях в Петербурге мне сказал один офицер генерального штаба: «Они (т. е. немцы) сами не понимают, каких демонов они выпустили». Офицер сказал это спокойно и как бы торжественно. И, сколько мне ни приходилось разговаривать за протекший десяток дней с простыми рядовыми, офицерами, генералами и штабными, у всех я заметил одно выражение, — очень серьезного спокойствия; у не-военных, особенно читающих подряд все выходящие за день газеты и листки, навинчивается, отчасти искусственно, озлобление против немцев; военные же все идут туда как на большое общее дело, словно вся Россия стала одним хозяйством, пришло время жатвы, и все, взяв серпы, двинулись делать большое дело.

Подобное отношение чрезвычайно характерно для русских, а в нем — залог величайшей силы не для одной этой войны, а для всего грядущего, для духовного и культурного роста молодой и великой своим горением, своей бездольностью, своей человечностью России. В Германии вспыхнула давно сдерживаемая неистовая ненависть к русским, — ненависть, как мне кажется, вполне понятная, которую можно было предвидеть, но нельзя предупредить: немцы всегда чувствовали в нас новую культуру, еще намечающуюся и нестойкую, но совсем противоположную их железному, биржевому, позитивному, математическому веку. Ядро нашей культуры было им враждебно и непонятно, и еще непереносимее казалась наша растерянность, неуверенность, неряшливость, пренебрежение очевидностью; большинство проезжих через Германию русских казались им безвольными, какими-то белыми червяками, которых стоит только раздавить. Немцы с трудом переносили русского, который, зайдя в табачную лавочку па Фридрихштрассе спросить, который час, справится, в котором часу уходят поезд, вместо потребованных папирос купить ящик сигар и расскажет что-нибудь неподходящее про себя и про жену. Именно такими нас представляют немцы. Сущности всего этого они не понимали. Достоевского усвоил только Ницше. И при этом мы населяем пятую часть земного шара, и от нас отчасти приходится зависеть Германии экономически. Настала война, и вспыхнула эта ненависть, — роковая ненависть целой культуры, правда, не старой, — быть может, всего за сорок лет. На русских же немцы выпустили всех демонов разрушения и ненависти, взлелеянных ими за сорок лет.

Даже характер войны с нами иной, чем на немецкой западной границе: там идут полевые сражения, стремительные наступления; для нас же они приготовили гигантские могилы — Торн и Кенигсберг, первокласснейшие крепости, на ремонт которых в прошлом году было истрачено четверть миллиарда, гарнизон которых равен двумстам пятидесяти тысячам штыков.

И вот в ответ на эту ненависть по всей России пролетел трагический дух. Все преходящее: борьба партий, личная жизнь, настроения, неустройство, упоительная наша, отлично разработанная литературой, неврастения, — все отошло как море от берегов; и то не проявленное, смутное ядро новой культуры, сердце наше, воля ваша, спокойствие наше, то, что выведет нас, а быт-может, и остальные народы, из железного тупика, оторвет от механической, берлинского изделия, зажигалки для папирос, обнажилось впервые. В один день пролетел над страной трагический дух, — дух понимания, спокойствия и роковых,

мировых задач, и народ пошел на предназначенное и неизбежное дело,— связать одержимого, уничтожить бесов разрушения и ненависти.

II.

Тот же офицер генерального штаба сказал: «Мне кажется, общество до сих пор не сознает, какими жертвами мы должны выиграть эту войну. Под Льежем убито двадцать пять тысяч немцев. Но Льеж есть только фланговая стычка трех германских корпусов, тогда как у них на французской границе два миллиона войск. За всю франко-германскую войну семидесятого года было убито семьдесят пять тысяч немцев. В нашу японскую войну под Шахе убито сорок тысяч, а Шахе — один из серьезнейших боев, а не фланговая стычка. Красный Крест приготовил пятнадцать тысяч двойных кроватей, но нужно в двадцать раз больше, чтобы обслужить кое-как армию. Общество должно подготовиться к огромным жертвам. Это будет не война, а медленное уничтожение противника. Наши войска будут не спеша продвигаться и укреплять занятые пространства. Раз занятое место назад быть отдано не может. Путь до Берлина трудный и медленный, но в нем по возможности должно избежать случайностей, которых тем больше, чем движение быстрее и легкомысленнее. Нами предвидено все, что можно предвидеть. Общество не должно требовать стремительного натиска, молниеносных побед; отдельные стычки, победы и поражения корпусов ничего еще не означают; наш фронт развернут от Балтийского моря до границ Румынии, и гибель или победа целого полка — то же, что в прежние войны смерть или геройство одного солдата».

Я спросил его о военной цензуре. «Пока,— он сказал,— общество должно довольствоваться скудными сведениями генерального штаба. Но когда развернется за нашей границей война, в армию будут допущены корреспонденты».

III.

Мгновенно и незаметно каждый из нас стал участником мировой трагедии. На каждом шагу совершаются ничтожные по выражению, но великие дела. Я стоял в редакции у открытого окна во двор, глядя, как немолодой коренастый мужик, должно-быть, младший дворник подметает мусор у ящиков с бумагой. «Слышь-ка, — раздался в это время голос внизу из окна,— повестку тебе прислали, на войну тебе идти». Дворник остановился, посмотрел туда, откуда был голос, затем сказал: «Ну, что-ж» и продолжал мести. Ехавший со мной в вагоне прапорщик запаса, инженер, рассказывал, как в Оренбургской губернии, где села редки, а хутора отстоят на пятьдесят — сорок верст один от другого, мобилизация прошла в восемь с половиной часов, причем непонятно было, каким образом разнеслась с такой скоростью весть о войне, только видели киргизов, которые носились по степи на косматых лошаденках. Запасные бросали работу, выпрягали в поле воза и телеги, и пешком и верхом собирались отовсюду на ближайшие пункты. Тяжело было только слышать плач женщин, провожающих мужей. По всей России раздался этот плач: другой солдат и забудет, добравшись до пункта, про свои дела, а услышит, как заранее поминают его бабы, и растревожится и нахмурится, но никто сам по себе не вернулся назад.

В Париже есть Общество под названием «Возбудители округов». По праздникам члены этого Общества, одетые в полувоенные костюмы, ходят по своим округам, трубя в трубы, неся знамена, распевая военные песни. Этим они напоминают каждому французу о Седане и о реванше. С утра французы еще подмигивают и посмеиваются, но к вечеру уже начинает их раздражать злость. Французы не могут равнодушно слушать ни звука военной трубы, ни пушечного выстрела. В глазах их начинает пробегать сумасшедший огонек, и еще мгновение — они становятся героями. Героизм их пышный, великолепный, я думаю,

единственный, дошедший до нас героизм римских легионеров, чьи слова и дела вырезывались на мраморе. Смешные в мирное время, эти «возбудители округов» внезапно приобрели теперь трагический смысл: когда весь Париж разваливался в пышности, золоте, обжорстве, когда только полуголодные поэты с левого берега Сены вошли о вечной красоте, одни эти «возбудители» повторяли, проходя по улицам: «Все равно, придется идти на Эльзас». И вот пробежал первый сумасшедший огонек, раздался первый выстрел из Льежа, и робкий призыв «возбудителей» подхватил весь народ. Теперь, когда в Париже хоронили первого убитого солдата,—Франция была уже другой страной, как будто не стало на ее плечах 120 лет. Как один человек, Франция кинулась на восток во имя славы, во; имя великих идей. С такой силой немцам с их ненавистничеством, с их идеей распространения бензиновой зажигалки бороться нельзя.

Трагический дух коснулся Франции, сжег все наносное, все ленивое, разбудил древнюю, очень древнюю доблесть романской культуры. У нас же в России не пробуждается, а, может-быть, впервые возникает, утверждается в сознании у всех, от Петербурга до мужицкой покрытой избы, идея единого целого, единой культуры.

Гр. Алексей Н. Толстой.